

Великолепная
Даниэла
СТИЛ

DANIELLE STEEL

The Kiss

Читайте в серии Даниэлы Стил:

В тихой гавани	Вояж
Выкуп	Крылья
Зоя	Удар молнии
Сестры	Неожиданный роман
Отзвуки эха	Блудный сын
Ранчо	По велению сердца
Пять дней в Париже	Прости меня за любовь
Счастливчики	Драгоценности
Идеальная жизнь	Верить в себя
Ты меня не забывай	Вторая попытка
Джонни-Ангел	Клуб холостяков
Паломино	Высшая милость
Воспоминания	Обещание страсти
Наперекор судьбе	Под прикрытием
Поцелуй	Питер, Поль и я

Даниэла
СТИЛ

ПОЦЕЛУЙ

Москва 2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С80

Danielle Steel

THE KISS

Copyright © 2001 by Danielle Steel

Перевод с английского *С. Певчева*

Художественное оформление *Д. Сазонова*

Стил, Даниэла.

С80 Поцелуй : [роман] / Даниэла Стил ; [пер. с англ. С. Певчева]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Беликолепная Даниэла Стил).

ISBN 978-5-699-92596-4

Какой хрупкой иной раз оказывается человеческая жизнь! Какой чудотворной порой может быть любовь! Как неожиданно приходит в жизнь мужчины и женщины страсть! Они должны были погибнуть в автокатастрофе, но, видно, сама судьба хранила преуспевающего американского бизнесмена и прелестную жену парижского банкира. Любовь с первого взгляда настигла этих двоих на краю гибели и навеки изменила их судьбы.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-92596-4

© Певчев С.Б., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Изабель Форрестье смотрела из окна спальни на раскинувшийся внизу сад. В этом доме, который располагался в седьмом округе Парижа, на улице Гренель, они с Гордоном прожили больше двадцати лет, здесь родились их дети. Здание, построенное еще в восемнадцатом веке, было похоже на подкову, внутри которой располагался просторный внутренний двор, отделенный от улицы внушительными бронзовыми воротами. Изабель любила этот старый красивый дом с его высокими лепными потолками и темными паркетными полами. Здесь все блестело и сияло. Образцовая хозяйка, Изабель мягко, но настойчиво требовала от домочадцев идеального порядка. В тщательно ухоженном саду росли белые розы, считавшиеся одними из лучших в Париже. В доме было немало антикварных вещей, которые они с Гордоном собирали многие годы; кое-что досталось Изабель и от ее родителей.

Вздыхнув, она отвернулась от окна. Предстоящий отъезд из Парижа вызывал у Изабель противоречивые чувства. Конечно, она так редко куда-то выезжает, что грех не воспользоваться представившимся случаем, но все равно из-за Тедди она чувствует себя виноватой.

Дочь Изабель, Софи, днем раньше уехала с подругами в Португалию. Девочке восемнадцать лет, осенью начинает учиться в университете. Изабель же от поездок уже четырнадцать лет удерживал ее

сын, Теодор. Он родился на три месяца раньше срока, с дефектом легких, а это, в свою очередь, сказалось и на сердце. Тедди никогда не ходил в школу, большую часть времени оставался прикованным к постели, а по дому в основном передвигался в инвалидной коляске. В хорошую погоду Изабель вывозила его в сад, где он в зависимости от самочувствия или немного гулял, или просто сидел в коляске. Однако дух мальчика оставался несломленным. Когда его мать входила в комнату, глаза Тедди оживлялись. Он с удовольствием с ней разговаривал, часто даже шутил. Между матерью и сыном существовала неразрывная связь, временами ей казалось, что у них одна душа. Изабель часами беседовала с мальчиком, читала ему, молча держала в объятиях, когда он был слишком слаб, чтобы говорить, и в любой момент могла заставить его смеяться. Он видел мир ее глазами и напоминал ей крошечную хрупкую птицу со сломанными крыльями.

Они с Гордоном консультировались с врачами насчет пересадки сердца и легких, которые делали в Штатах, но доктора единодушно пришли к мнению, что мальчик вряд ли выдержит такую операцию и даже саму поездку. Поэтому мир Теодора ограничивался пределами дома на улице Гренель, а все его общество составляли мать и сестра, поскольку отец в присутствии Тедди чувствовал себя неуютно.

Из-за сына Изабель оставила всех своих подруг и прежние занятия, по существу, вообще отказалась от каких-либо собственных интересов. Тедди стал смыслом ее жизни. Правда, его сестре Софи из-за этого недоставало материнского внимания, но она не жаловалась и продолжала относиться к матери с любовью и теплотой. Казалось справедливым, что Тедди достается все внимание Изабель, поскольку

от этого зависела его жизнь. В последние четыре месяца Теодору стало лучше, что дало его матери возможность предпринять долгожданную поездку в Лондон — по предложению Билла Робинсона.

Изабель познакомилась с ним четыре года назад на приеме, который устраивал в Париже американский посол — однокурсник Гордона по Принстону. Билл был известен в Вашингтоне как один из самых могущественных людей и едва ли не самый богатый. По словам Гордона, именно Уильям Робинсон посадил последнего президента в Овальный кабинет. Наследник огромного, по слухам, неисчислимого состояния, он еще в молодости приобщился к политике, предпочитая при этом оставаться за кулисами. На Изабель произвело сильное впечатление то, насколько скромно держался этот влиятельнейший человек. Муж уже объяснил ей, кто он такой, и Изабель никак не могла поверить в его богатство и могущество. Веселый и остроумный, Уильям выглядел на удивление молодо. Сидя рядом с ним за ужином, Изабель наслаждалась его обществом и была приятно удивлена, когда на следующей неделе он ей написал, а потом прислал редкую книгу по искусству, которую она уже давно и безуспешно искала. Ее поразило и очень тронуло то, что за другими, гораздо более важными делами он не забыл об этой мелочи. Искусство и редкие книги были ее страстью.

Тогда они много говорили о только что найденных картинах, которые нацисты во время войны спрятали в одной пещере в Голландии. Затем разговор коснулся подделок и воровства произведений искусства и, наконец, реставрации — именно этим занималась Изабель, когда познакомилась с Гордоном. Она работала в Лувре, и к тому времени, ког-

да ушла с работы — а это произошло незадолго до рождения Софи, — ее уже считали опытным и подающим большие надежды реставратором.

На Билла ее рассказы произвели впечатление, и в последующие месяцы у них сложились довольно странные дружеские отношения, поддерживавшиеся с помощью писем и телефонных звонков. Она послала ему несколько редких книг по искусству, а Билл в свой следующий приезд в Париж позвонил ей и пригласил на ланч. Поколебавшись, она согласилась, едва ли не впервые оставив сына в обеденное время одного. Да, это произошло четыре года назад, когда Тедди было еще десять. С тех пор дружба с Биллом окрепла. Время от времени он звонил — если работал допоздна. Для Изабель это было раннее утро — она как-то сказала ему, что из-за Тедди встает в пять часов утра. Прошло еще полгода, прежде чем Билл спросил, не возражает ли Гордон против его звонков.

— А почему бы он стал возражать? — изобразив удивление, сказала она. Изабель не хотелось его смущать. Ей нравились разговоры с Биллом, у них было так много общих интересов! По сути, она больше ни с кем и не поддерживала контактов. Ее давние подруги не звонили ей уже много лет, с тех пор как Изабель из-за Тедди практически перестала выходить из дома.

Тем не менее звонки Билла действительно могли не нравиться Гордону. Она как-то упомянула о книгах, которые тот прислал, и мужа это явно покорибило, хотя он и промолчал. Так что о телефонных звонках Робинсона Изабель говорить ему уже не стала. Во-первых, она не знала, как их объяснить, а во-вторых, они же совершенно невинны — в их разговорах нет ничего личного и тем более недо-

стойного. По правде говоря, Изабель подозревала, что, узнав о ночных беседах, Гордон проявил бы недовольство, а терять дружбу Билла ей не хотелось.

Сначала Билл звонил раз в две-три недели, потом чаще. Через год после знакомства они второй раз в жизни встретились — за ланчем, а однажды, когда Гордон был в отъезде, Робинсон пригласил ее на ужин. Они сидели в расположенном неподалеку тихом бистро, время текло незаметно, и, придя домой, Изабель была потрясена тем, что уже перевалило за полночь. Она чувствовала себя увядающим цветком, на который телефонные разговоры и редкие встречи с Биллом действовали словно благодатный дождь. Ведь, кроме детей, Изабель было просто не с кем поговорить.

Гордон уже много лет возглавлял крупнейший в Париже американский инвестиционный банк. Он был на семнадцать лет старше Изабель — ему исполнилось пятьдесят восемь. За последние годы они сильно отдалились друг от друга, и Изабель подозревала, что причиной тому Тедди. Отвращение мужа ко всему, что было связано с болезнью мальчика, принимало характер настоящей фобии. Тедди это чувствовал и раньше даже считал, что отец его ненавидит, но позже изменил свою точку зрения. К десяти годам он понял, что отца просто пугает его болезнь и, чтобы не оказаться во власти этого своего страха, он старается полностью игнорировать ребенка, делая вид, будто его вообще не существует. Тедди никогда не держал на него зла и говорил с Изабель об отце с таким задумчивым видом, словно речь шла о какой-то далекой стране, в которой он хотел бы побывать, но знает, что она ему недоступна. Отец и сын были друг другу совершенно чужими.

Целиком переключившись на работу, Гордон за последние годы максимально отстранился от домашних дел и от собственной жены. Единственным членом семьи, к которому он как будто был даже слегка привязан, являлась Софи, по характеру больше походившая на него, чем на свою мать. Софи и Гордон во многом одинаково смотрели на жизнь. Отец тщательно подавлял в себе все эмоции, которые он считал проявлением слабости, а дочь, очевидно, просто унаследовала эту черту. Еще в младенчестве она была совсем не такой ласковой, как брат, и предпочитала не обращаться к матери за помощью, а делать все самой. Холодность Гордона она воспринимала как проявление независимости и достоинства. Изабель иногда думала, что сдержанность дочери — результат того внимания, которое мать уделяла брату. Чтобы не испытывать ревность, Софи убедила себя и своих родных, что ей ничего от них не нужно. Она не вела душевных бесед с Изабель и старалась не показывать своих чувств, а если и была с кем-то откровенна, то не с матерью, а с подругами. Изабель всегда тешила себя надеждой, что, когда Софи повзрослеет, они смогут найти общий язык и стать друзьями, но пока отношения с дочерью оставляли желать лучшего.

Холодность, с которой относился к жене Гордон, ошущалась гораздо сильнее. Сдержанность Софи еще можно было объяснить желанием самоутвердиться, доказать, что она твердо стоит на ногах и не нуждается в материнском внимании. Истоки же охлаждения мужа коренились значительно глубже. Изабель казалось, что она стала для него олицетворением того несчастья, которое свалилось на их семью.

Гордон обычно смотрел на жизнь совершенно бесстрастно, словно издали наблюдал за игрой, не вмешиваясь в нее, — в отличие от Тедди и Изабель, которые во все вкладывали душу. Гордон отдалился от жены много лет назад, вскоре после рождения Тедди, и задолго до ее знакомства с Биллом покинул общую спальню. Тогда он объяснил это тем, что она его беспокоит, так как слишком поздно ложится и слишком рано встает, но это были лишь отговорки. Не желая усложнять и без того натянутые отношения, она не посмела ему возражать и с грустью наблюдала, как его привязанность к ней постепенно сходила на нет, а затем и вовсе исчезла.

Изабель даже не могла припомнить, когда они в последний раз обнимались, целовались или занимались любовью. Она полагала, что муж не только напрямую ассоциирует ее с болезнью Тедди, но и считает ее виновной, хотя врачи заверяли Изабель в обратном. С Гордоном они никогда об этом не говорили, так что у нее не было никакой возможности снять с себя его невысказанные обвинения, но она всегда ощущала их груз. По-видимому, даже сам вид Изабель напоминал ему о немощи ребенка, поэтому, вычеркнув из своей жизни сына, он в конце концов вычеркнул из нее и жену, отгородившись от нее высокой и прочной стеной. Возможно, таким образом он защищал до сих пор таившегося в глубинах его существа ребенка от угнетающего душу зрелища несчастья. Что же касается стены, то Изабель больше не пыталась ее преодолеть. Все ее прежние попытки сблизиться с мужем оставались тщетными, Гордон сопротивлялся ее усилиям, и в конце концов она смирилась с существующим положением.

В принципе, Гордон был холодным и расчетливым от природы. Безжалостный делец и вообще не

очень симпатичная личность, он тем не менее сначала проявлял к Изабель нежность и внимание. Его сдержанность воспринималась ею как вызов, зато каждую улыбку, каждый знак внимания она считала победой, тем более впечатляющей, что больше он ни к кому так не относился. Она тогда была очень молода и очень заинтригована. Он казался ей таким знающим, таким могущественным. Надо сказать, и Гордону многое нравилось в Изабель, достаточно для того, чтобы счесть ее идеальной женой. В первую очередь, конечно, ее аристократическое происхождение, ее связи, которые должны были послужить и ему лично, и банку. Семейное состояние Изабель давно уже улетучилось, однако ее родня по-прежнему имела определенное влияние в общественно-политических кругах. Женившись на ней, Гордон тем самым повышал свой общественный статус, что для него было очень важно. А в дополнение к родословной Изабель обладала милой детской непосредственностью, которая не оставила равнодушным его сердце.

Перед этой доброй, открытой, чуткой девушкой было трудно устоять любому мужчине. А безупречное поведение Гордона, очевидная серьезность его намерений и изысканная манера ухаживать способствовали тому, что вскоре Изабель увидела в нем своего героя. Даже ее семья была в восторге, когда он сделал предложение. Родным Изабель казалось, что он будет ей идеальным мужем, ведь, несмотря на свою сверхжесткую деловую репутацию, он проявлял о ней такую трогательную заботу!

Однако к тому времени, когда Изабель познакомилась с Биллом Робинсоном, она из замужней женщины превратилась в одинокую сиделку, проводящую целые дни у постели больного. Голос Билла

зачастую был единственным, что связывало ее с большим миром, находящимся за пределами ограниченного четырьмя стенами пространства. К тому же только Билл, кажется, искренне о ней заботился. Гордон вообще очень редко интересовался, как у нее дела, и сам ничего не рассказывал. В лучшем случае сообщал о том, что сегодня ужинать дома не будет или что завтра утром уедет по делам. Эти короткие беседы только укрепляли ее уверенность в том, что муж вычеркнул ее из своей жизни. А вот разговоры с Биллом открывали окно в другой мир. Для Изабель они были глотком свежего воздуха, спасательным кругом, за который она цеплялась мрачными ночами. За эти годы Билл стал ее лучшим другом, а Гордон превратился в чужака.

Однажды, на втором году их знакомства, она попыталась объяснить это Биллу. Тедди в последние недели стало хуже, Изабель чувствовала себя усталой, измученной и вдобавок подавленной тем, как холоден с ней в этот вечер был Гордон. Он заявил, что она только зря теряет время, нянчась с мальчиком, что все равно тот долго не проживет и ей надо с этим как можно быстрее примириться. Он сказал, что, когда их сын наконец умрет, это будет благом для всех. Она со слезами в голосе рассказала об этом Биллу, и тот был потрясен бессердечием Гордона и его жестокостью в отношении Изабель.

— Я думаю, Гордон сердится на меня за то, что я столько времени провожу с Тедди и не уделяю ему достаточно внимания. — Ради мужа она иногда ходила на какие-то приемы, но не так часто, как ему хотелось бы. Гордон уже давно убедил ее, что она никудышная жена, и Биллу было неприятно слышать, как легко она с этим соглашалась.

— Мне кажется, в нынешних обстоятельствах естественно, что все ваше внимание сосредоточено на Тедди, — мягко сказал он. В последнее время в надежде найти для мальчика какое-нибудь чудодейственное лекарство он втайне проконсультировался с некоторыми медицинскими светилами, но их мнение не особенно вдохновляло. Судя по словам Изабель, у ребенка было прогрессирующее заболевание сердца, легкие работали плохо, и состояние организма в целом постепенно ухудшалось. По единодушному мнению врачей, будет чудом, если мальчик доживет до двадцати лет. Сердце Билла разрывалось, когда он думал, что предстоит пережить Изабель.

За эти годы их отношения окрепли. Они часто разговаривали по телефону, а Изабель писала ему длинные философские письма — особенно по ночам, когда бодрствовала, сидя у постели Тедди. В последнее время ее постоянная забота о сыне вызвала ревность не только у Гордона, но и у Софи, которая чувствовала себя обделенной. И конечно, единственным, кому Изабель могла об этом поведать, был Билл.

В эти минуты для него все дневные заботы отступали прочь, все политические дразги забывались. А Изабель во время их бесед вспоминала о тех вещах, которые в свое время были ей дороги, и словно переносилась в иное измерение, где Тедди был здоров, Гордон ее не отвергал, а Софи на нее не сердилась. Билл прививал ей новый взгляд на мир, они непринужденно болтали и часто смеялись. Время от времени он рассказывал ей о своей жизни, о людях, с которыми общался, о друзьях, которых любил, а иногда незаметно для самого себя вдруг начинал говорить о жене и дочерях, учившихся в колледже. Он женился в двадцать два года, и теперь, тридцать

лет спустя, от их брака осталась лишь пустая оболочка. Синди, его жена, казалось, ненавидела все, что составляло жизнь Билла, в особенности его частые поездки, людей, с которыми он встречался, и мероприятия, на которых им приходилось бывать. Она испытывала глубокое отвращение к политике и к Биллу, который посвятил ей всю жизнь.

Единственное, что интересовало Синди с тех пор, как девочки уехали из дома, были ее друзья в Коннектикуте, вечеринки и теннис. Принимает ли в этом участие муж, ее не волновало. Их душевная связь прервалась уже много лет назад, и теперь Синди существовала отдельно. О прошедшем она, впрочем, сожалела. Тридцать лет она наблюдала за отъездами и приездами мужа, ставяшего политику превыше всего. Во время семейных праздников и дней рождения Билл обычно находился где-то далеко, натаскивая очередного кандидата к очередным выборам. В последние четыре года он стал частым гостем Белого дома, что больше не производило на Синди впечатления, и она с удовольствием сообщала об этом мужу. Более того, она попрекала его карьерой, по ступеням которой Билл стремительно двигался вверх. То, что когда-то между ними было, давно прошло. Год назад она сделала подтяжку лица, и Билл знал, что она уже давно втайне крутит романы. Так она мстила за его единственную измену десятилетней давности, когда он согрешил с женой некоего конгрессмена. Подобное больше не повторялось, но Синди не умела прощать.

В отличие от Изабель с Гордоном у них по-прежнему была общая спальня, но это ничего не меняло — они уже много лет не занимались любовью. Синди чуть ли не гордилась тем, что с сексуальной точки зрения муж ее больше не интересует.